

30+

Открытый разговор журналиста и священника

Я В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Журналист
Ольга Андреева

Протоиерей
Павел Великанов

**Ольга Александровна Андреева
Павел Иванович Великанов
Я в поисках смысла. Открытый
разговор журналиста и священника**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11630350
Я в поисках смысла./ Андреева О., Великанов П., прот.: Никея; Москва;
ISBN 978-5-91761-434-2*

Аннотация

О диалоге Церкви и мира сегодня говорится довольно часто, и потребность в нем – живом, резонансном диалоге – буквально «витают в воздухе». Основу этой книги составили беседы, которые вели журналист «Русского репортера» Ольга Андреева и священник Русской Православной Церкви протоиерей Павел Великанов, богослов, доцент Московской духовной академии, главный редактор научно-богословского портала «Богослов. Ru». Беседы на грани спора, но с желанием понять собеседника и его точку зрения, найти ответы на острые вопросы и доказать, что разговор мира и Церкви возможен и необходим, особенно, если это честный разговор о самом главном. Вот в чем смысл книги, которую создала талантливый журналист Ольга Андреева.

Содержание

Предисловие	4
Начало. Две старушки	6
Немножко вечности	9
Храм своими руками	11
Главное доказательство	13
Покрестили, как барана	15
Не подышал – труп, или Причастность к Истине	18
Божественное посольство	21
От противного	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Журналист Ольга Андреева. Протоиерей Павел Великанов Открытый разговор журналиста и священника

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской
Православной Церкви ИС Р15-503-0129*

Предисловие

Предложение от издательства «Никея» взяться за книгу бесед с отцом Павлом Великановым настигло меня, как звук пожарной сирены – неожиданно и настойчиво напоминая: у тебя тоже есть дом и он тоже может сгореть. Конечно, я согласилась. Я всегда принадлежала к числу того аморфного в религиозном отношении большинства, которое, не сомневаясь в Божественном бытии, сомневается в необходимости воцерковления. Вопросы веры всегда оставались для меня смутно и не до конца оформленными. Есть некая высшая форма добра и справедливости, есть христианская культура, есть красота, чей смысл проникнут Божественным присутствием, но все это всегда было личным, интимным, теплым, сопротивляющимся любому обобществлению. На другом полюсе этого личного тепла стояла Церковь – институт внутри социума, странный, противоречивый, наполненный людьми, чьи глаза горят тусклым огнем фанатизма. Разговор с человеком, всецело принадлежащим как раз второй части религиозной загадки, был вызовом. Как журналист-репортажник я много ездила по стране. Я видела народ, находящийся в двусмысленном положении голодного, который не верит, что вот эти яблоки в церковном саду можно есть. Я видела вдохновенную православию интеллигенцию, живущую в непрерывном подвиге духа. Видела батюшек, которые все ответы знали заранее и предпочитали отвечать еще до того, как задан вопрос. И я не могу сказать, что весь этот опыт приводил меня именно в Церковь. К Богу – да. Но не в Церковь. Потому что единственное, что я, как человек светский, сочла бы убедительным для себя, – это вера как форма жизни, простая и естественная, как дыхание. Я капризничала и топала ножкой: хочу такую Церковь, которая будет нам всем по размеру, по климату, по душе. Теплая, пушистая, ласковая. Но такой церкви не было. А Бог, требующий постоянного усилия, неотвратимо превращал любую попытку диалога в скорбное молчание.

В результате духовный опыт светского человека превращался в одинокий и отчаянный подвиг разведчика на территории, где под любым кустом могла быть спрятана мина, а любой друг мог оказаться предателем. Спросить было не у кого. Возможно, я плохо пыталась, но Церковь всегда производила на меня впечатление организации, которая мало общалась с людьми по ту сторону храмовых стен. Человеческих разговоров, имеющих в виду не просвещение темных, не спор и не взаимную конкуренцию интеллектов, а простой обмен вопросами и ответами, вокруг как-то не происходило. Не было такой традиции и не было таких намерений, причем с обеих сторон. Светские вопросы оставались без ответа, а проповедь обращалась к своим, тем, кто уже внутри храма. Тем, кто снаружи, оставалось, как мне, читать Библию и книги по философии и селф-психологии.

В свою первую поездку в Сергиев Посад я отправилась с внутренним трепетом и всеми возможными подозрениями. Я боялась увидеть заранее отформатированное сознание, которое знает ответы на все вопросы. Я боялась деклараций и той монополии на истину, которая

так от истины отвращает. Человек, которого я увидела, не страдал ни тем, ни другим. Он был живой. То есть не знал ответов на вопросы, а сам честно искал их. Наш диалог строился и развивался не всегда предсказуемо. Я обнаруживала странное несовпадение интересов. То, что казалось непомерно важным мне, человеку из мира, казалось простым и давно решенным отцу Павлу, человеку из Церкви. То, что казалось мне простым и очевидным, казалось загадочным отцу Павлу. Немного приглядевшись и прислушавшись, я поняла одну важную вещь. Мы оба располагали совершенно разными технологиями извлечения смысла из феноменов реальности. Мы вообще по-разному видели эту реальность. Для меня эта реальность была реальностью – окончательной и бесповоротной, большой, а потому нуждающейся в сильнодействующих лекарствах, сострадании и обезболивании. Для отца Павла реальность была не объективна и не конечна. Она находилась в пути, в бесконечном движении в сторону изменения собственных базовых онтологических оснований. Церковь в этом движении играла роль не врача, а штурмана, главного держателя курса, хранителя карт, астролябий и компасов.

Мы не спорили с отцом Павлом. Мы просто говорили о своем опыте и сообщали друг другу выводы из наблюдений. Я смею надеяться, что обе стороны были предельно искренни в своих вопросах и ответах. Более того, я смею надеяться, что мы не сказали ничего такого, что могло бы претендовать на истину в конечной инстанции. Мы никого не научили жить и никому не выдали карту личного жизненного маршрута. Я очень надеюсь, что этого не произошло. Мы сделали другое. Наш разговор демонстрирует опыт размышления об истине, ее поиска и возможности личных открытий на этом пути. Мне кажется, мы наглядно доказали, что разговор мира и Церкви возможен и необходим. Что если оба участника этого разговора готовы услышать друг друга, результат будет достигнут, даже если он окажется совсем не таким, каким вы его планировали. Потому что, как известно, правда – это всего лишь то, что ты в нее вкладываешь. Не более, но и не менее того.

*Ольга Андреева,
журнал «Русский репортер»*

Начало. Две старушки

Ольга Андреева. Люди приходят к вере такими разными путями, что иногда кажется – никаких рецептов нет. Любая дорога ведет в Рим или наоборот – ни одна дорога туда не ведет. Можно ли начать с вашего личного опыта поиска веры? Откуда и как появилась ваша вера?

Протоиерей Павел Великанов. Это долгий рассказ.

Ольга Андреева. Отлично! Мне кажется, у меня есть шанс услышать интересную историю. У вас умные глаза, люди с такими глазами часто уходят в буддизм или индуизм, например. А вас почему-то туда не занесло...

Протоиерей Павел Великанов. Носило.

Ольга Андреева. Расскажите!

Протоиерей Павел Великанов. Наверно, надо начать с родителей. Любой человек всегда является заложником той среды, в которой он родился, в которой он воспитывался. Он является заложником и тех ценностей, которые ему прививались с детства. Речь идет прежде всего о тех ценностях, которые прививались даже не словами, а образом жизни и делами.

История моей семьи во многом типична для русских людей двадцатого века. Семья формировалась на границах глубинных социальных и мировоззренческих разломов, как и многие семьи наших соотечественников. Например, родители моей мамы. С одной стороны – красногвардейцы-большевики, с другой стороны – офицеры царской армии. Мои предки по линии отца были зажиточными крестьянами, которых раскулачили и отправили в ссылку, в Казахстан. Мой дед по линии отца оказался в Карлаге¹. И соответственно жизнь его сына, то есть моего отца, была связана с проблемой физического выживания в этих нечеловеческих условиях.

Ольга Андреева. Ваш отец родился в Карлаге?

Протоиерей Павел Великанов. Нет, он родился на хуторе Шакино, в Кумылженском районе, на Дону. Он из рода донских казаков. Но еще во младенчестве он был лишен абсолютно всего. Но не будем эту тему развивать, потому что это нас уведет в сторону.

Я хочу сказать о другом. О Боге, о религии я в своей семье никогда не слышал ни слова. Но почему я не слышал ни слова? Все это тоже было очень непросто. Мать об этом ничего не говорила, потому что выросла в советской среде, была воспитана в культурной интеллигентной семье, где говорить о Божественном было не принято, получила высшее образование. Ее мама, то есть моя бабушка, была врачом; дедушка был военным инженером. И все то, что было связано с религией, с церковностью и вообще с темой Бога, – все это не предполагалось в лексиконе обычного номенклатурного советского работника.

При этом никто из моих родственников никогда не состоял в коммунистической партии. Это тоже особенность семьи. Они принципиально не состояли в партии, но и тему Бога не затрагивали. Наша семья жила совершенно нормальной, обычной советской жизнью, из которой по определению должно было быть изъято все, что связано с идеологически несоветскими вопросами. Прежде всего – все связанное с религиозностью. Отец никогда не говорил о религии. Даже если спонтанно в обычном разговоре возникали какие-то вопросы, он либо отмалчивался, либо говорил: «Когда вырастешь, сам все поймешь». И на этом ставилась большая жирная точка, разговор дальше никогда не заходил.

Впрочем, сказать, что о Церкви вообще не было никакого представления, тоже нельзя. В моем детстве было два примера религиозности – две пожилые женщины... Они были

¹ Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь) – один из крупнейших лагерей в 1930–1959 годах в системе ГУЛАГа НКВД СССР.

носителями той самой церковности, религиозности, к которой в нашей семье относились, скажем так, несколько покровительственно-свысока. Одна из них была моя тетка, старшая сестра моего отца, а вторая – соседка по лестничной площадке, совершенно неграмотная бабулька. Именно в отношении нее, этой неграмотной бабульки, наверное, можно сказать, что это был мой первый опыт прикосновения к религиозности. Неосознанный, но глубинный опыт. Вообще у меня такое ощущение, знаете, совершенно иррациональное, что в конечном счете я оказался в лоне Православной Церкви, стал священником именно благодаря вот этой бабушке, которую все звали Андреевна. По документам – Клавдия Андреевна, но окружающие даже по имени-то ее не называли, понимаете?! И вот мне кажется, что она меня просто вымолила.

Мы довольно много с ней общались, я ей читал какие-то книжки. Она ведь даже не умела читать, была безграмотной, но при этом церковной. Дома у нее были иконы, она знала какие-то молитвы и всегда молилась, постилась, иногда ходила в храм, была глубоко воцерковленной женщиной. Я помню, что у нее был сын, может, еще были дети. И все они, конечно, были простыми советскими людьми и абсолютно нецерковными. Но, вспоминая о ней как о человеке, с которым я проводил дни своего детства, я могу сказать, что в этой женщине была внутренняя установка, выводящая за пределы этой жизни. Ее основные ценности находились за пределами этого временного бытия. Это ощущалось не на уровне слов, да она ничего такого и не говорила. Просто по ней было видно, что она живет предвкушением другой жизни... И поэтому ей, в общем-то, не важно, как здесь жить: в комфорте, не в комфорте, что есть, что пить, во что одеться. То есть тема «качества жизни», о которой мы столь много заботимся сегодня, для нее просто не существовала. Более того, мне кажется, что ей было бы даже лучше, спокойнее существовать в каком-то дискомфорте, в условиях нехватки чего-то жизненно важного. Ее комната была очень аскетична, не было никакого «хламовника», который характерен для многих пожилых, живших в бедности и поэтому бережно относившихся к любой, даже ненужной, вещи. Для нее аскетизм был неким путем, неким способом реализации заповеди Божией и условием ее спасения.

Вот у Виктора Франкла² есть такие замечательные слова: «Если человек знает, *зачем* жить, он может вынести почти любое *как*». Эта мысль очень хорошо отражает то, что осознанно или неосознанно присутствовало в моей Андреевне. Она как раз и была именно таким человеком, который знал, зачем жить. И это при том, что она находилась в советской, крайне агрессивной, совершенно антирелигиозной среде! Она была маргиналом, изгоем, она была никем – просто жалкой старухой Андреевной. Которая просто живет рядом, у которой даже имени нет, и никому не интересно – что она, где она, как там она. Но при этом она в конце концов оказалась сильнее... Как бы это сказать? Да, она оказалась сильнее – вот эта самая безликакая Андреевна! Ведь я даже ее лица не помню. Не помню ее лица! Просто совершенно не помню. Ну, что-то смутное вспоминается – сухонькая бабулька. Она даже приготовить что-нибудь вкусненькое, что дети обычно любят, не умела. Она просто приходила, сидела со мной, особо и не разговаривала, потом слушала, что я ей читал. Я даже не помню, о чем мы могли разговаривать. Все это было давно, еще до школы. Но что-то от нее исходило такое, чего не было больше ни в ком. При всей внешней никчемности в ней не чувствовалось внутреннего дискомфорта, надрыва, несчастья. Она просто жила той жизнью, которая ей была дана!

А другая женщина, тетка моя, тетя Нюра, была совершенно иной. У тети было полное имя, четко обозначенное место в жизни. Она была простой русской женщиной, у которой не было детей, хотя она когда-то была замужем, но замуж она вышла уже в пожилом возрасте,

² Виктор Эмиль Франкл (нем. Viktor Emil Frankl; 1905–1997) – австрийский психиатр, психолог и невролог, создатель логотерапии – метода экзистенциального психоанализа; бывший узник нацистского концентрационного лагеря.

я так понимаю, поэтому и детей у нее не было. Мы видели, что она была самым близким и дорогим человеком для моего отца, и это при том, что у нее был крайне сложный характер донской казачки. Она была очень сильной. Такая, знаете, сильная русская баба, которая может и треснуть, когда надо, и пойти наперекор всему. И жить десятилетиями в полном одиночестве, содержать хозяйство, возделывать огород, ремонтировать дом. И в то же самое время она явно была очень религиозным человеком.

Ее религиозность была иной, совсем не такой, как у Андреевны. Она очень редко ходила в храм – ну, может, на Пасху, на Рождество, на Крещение. И, видимо, ее такой ритм вполне устраивал, иного было не нужно, и никакого греха тут она не видела. Я бы сказал, что это была такая природная религиозность, окрашенная в церковные тона, но как бы недовосцерковленная. Это были какие-то остатки того религиозного уклада жизни, который некогда обязательно присутствовал у большинства жителей России, но внутри он уже был сильно разрушен и изъеден содержательно. То есть это то самое состояние, о котором однажды очень хорошо сказал святитель Игнатий Брянчанинов. Он сказал, что наше монашество подобно огромному многовековому дубу, который производит впечатление мощи, устойчивости и незыблемости, но изнутри насквозь прогнил, и достаточно несильного урагана для того, чтобы все это огромное дерево упало и развалилось на куски. Это было сказано еще в середине девятнадцатого века, когда, казалось бы, еще ничто не предвещало разгула атеизма!

Вот мне кажется, что религиозность тети Нюры как раз и была одним из кусков этого развалившегося дерева, который, тем не менее, все еще сохранял некую идентичность. По нему еще можно представить, к какому виду дерева относился этот кусок коры или ствола, но, конечно, он был не более чем куском.

Потом, когда я уже стал более или менее воцерковленным человеком, для тети Нюры было огромным счастьем, что я решил пойти по такому пути. Хотя она и в храм-то ходила крайне редко! Я не помню, чтобы она читала Евангелие, хотя Евангелие у нее было. Я не помню, чтобы она регулярно молилась, хотя иконы у нее везде висели. У нее был крестик, все внешние атрибуты веры, но она не особо часто использовала их. Вера была внутренняя, вера в ее понимании существовала как старый уклад, как общее положение вещей, форма жизни. И странным образом это принималось и уважалось даже в нашей советской семье.

Кстати, хочу сказать, что никто из нас – а нас у мамы было двое, – никто из нас не был крещен. Меня крестили только в семнадцать лет.

Ольга Андреева. Ни Андреевна, ни тетя Нюра не привели вас непосредственно в храм?

Протоиерей Павел Великанов. Нет-нет! Обе эти женщины существовали сами по себе, безо всякой прямой связи с храмом, Церковью как таковой. Я не могу сказать, что мы относились к ним как к необразованным глупым бесполезным старухам. Совсем нет. Мы были готовы не то что простить их поведение, не вписанное в официальную культуру, но как бы признать за привычками этих женщин право на существование. Ну, мало ли всяких людей в мире, вот есть и такие в том числе. Но когда на Пасху мы приезжали в гости к тетке и она давала нам освященного кулича, видно было, что к нему относились с каким-то особым благоговением. Его вкушали в первую очередь, а потом уже ели все остальное. То есть обе эти женщины давали возможность пережить прикосновение к чему-то священному...

Ольга Андреева. Скорее к традиции, укладу, нежели к религии как таковой?

Протоиерей Павел Великанов. Да, да! Это действительно был традиционный уклад, в котором чувствовалось присутствие тысячелетнего опыта, но с каким-то новым измерением все-таки. Других касаний священного, религиозного у меня просто не было. Не было ни в литературе, ни в искусстве. Ничего такого не было. Материальная плоскость, и только.

Немного вечности

Ольга Андреева. Вы говорили в начале нашей беседы, что любой человек является заложником той среды, в которой он воспитывался. Если вокруг ничего не менялось, то как вам открылось новое измерение жизни?

Протоиерей Павел Великанов. Я сейчас говорю с вами и пытаюсь анализировать, откуда все пошло.

Мой отец окончил фельдшерскую школу в 1942 году и поступил в медицинский институт в Алма-Ате. В январе 1943 года был призван в ряды Красной армии и направлен на Дальний Восток, участвовал в боях. Вернулся из армии только в 1946 году. Защитил диссертацию. Его сестра, та самая баба Нюра, жила в Пятигорске, и он решил перебраться поближе к ней, чтобы уже окончательно обосноваться и жить.

Я родился в Алма-Ате, но всю жизнь, до поступления в семинарию, прожил в Кисловодске. Северный Кавказ – это, конечно, место уникальное, там сосредоточены совершенно разные и культурные, и религиозные, и национальные традиции. Достаточно устойчивая художественно-музыкально-поэтически-литературная богема выступала культурным буфером между местным населением и огромным потоком туристов. В Кисловодске, например, всегда был свой хороший симфонический оркестр. Каждую субботу мама водила меня на концерт; я сейчас вожу своих детей на службу, а меня водили на концерты. Мне это нравилось, хотя я не скажу, что в то время был большим поклонником симфонической музыки; но, с другой стороны, а чего не пойти? Мама водила и на театральные представления, балеты, оперы, оперетты – в общем, все по полной программе. Из-за достаточно высокого положения моего отца в городе она была вхожа в круг этой местной творческой интеллигенции, и где-то там рядышком я, естественно, тоже притирался.

Еще один важный момент – я учился в самой лучшей, образцово-показательной школе Кисловодска, с углубленным изучением английского языка, в которой преподавала моя мама. Она закончила химический факультет Казахского университета в Алма-Ате. Как и отец, защитила кандидатскую диссертацию. Но поскольку в Кисловодске работы по ее профилю не было, она пошла работать в школу учителем. Преподавала химию. Это тоже накладывало определенный отпечаток на мою жизнь. Непросто ребенку учиться в школе, когда его мама там учитель. Вот...

Ольга Андреева. А вы были отличником? Лучшим учеником?

Протоиерей Павел Великанов. Я был не то чтобы лучший среди лучших в школе; я был среди лучших учеников в своем классе. И закончил школу с медалью. С серебряной, правда. Получил четверки по русскому и по литературе. И вот однажды мы отправились в поездку в другую образцово-показательную школу, в Ульяновске, – в то время еще практиковались такие турне с несколькими лучшими учениками. Эта школа имени Ленина была какая-то просто супершкола, с бассейном, зимним садом, компьютерным классом и так далее, что в советское время, вы понимаете, было просто фантастикой. Такая «школа мечты» была. Нас поселили в какой-то вполне приличной гостинице. И вот как-то вечером мы с одноклассниками собрались в чьем-то номере, сидели, разговаривали, и в разговоре вдруг возникла тема вечности и бесконечности.

Ольга Андреева. Это какой класс был?

Протоиерей Павел Великанов. Наверное, восьмой или девятый. Не могу вспомнить, почему вдруг возникла эта тема. Я думаю, что это был такой первый контакт с вечностью, которая входит в твою жизнь и вдруг заставляет задумываться над теми вопросами, над которыми ты никогда не задумывался. В чем заключалась проблема? В том, что, оказывается, есть такие понятия, которые приводят к внутреннему диссонансу, понятия, которые ты не

можешь вместить. И это рождало очень странное ощущение. То есть мы знаем, что есть вечность, есть бесконечность, но вместить их в свое сознание никто из нас не может. Мы понимаем, что это есть, но оно не вмещается. При том что все остальное я могу понять более или менее, а вот это не могу – ну никак.

Мы были детьми, воспитанными в рамках жесткого, даже навязчивого диалектического материализма. У нас на каждом уроке физики, химии, вообще на всех предметах – это было особенностью нашей школы – все явления трактовались с позиций диалектического материализма. Везде были стенды с соответствующей наглядной агитацией. То есть у нас была очень сильно идеологически заряженная школа. И вдруг ты понимаешь, что эта, казалось бы, стройная картина мира дает не то чтобы трещину в фундаменте... Ты понимаешь, что есть какая-то глубинная трещина, которая просто сверху прикрыта, но ты пальцем ткнул, а там вообще ничего нет.

Уже вернувшись из этой поездки, я задал вопрос преподавателю философского кружка: что такое бесконечность? И меня тогда очень удивил ответ. Преподаватель сказал примерно так: «Да, есть вопросы, на которые ответа нет. Зачем вообще над ними задумываться?» И вот это у меня отложилось, застряло в сознании. Я тогда четко понял, что да, действительно есть некое измерение жизни, которое не укладывается в стройную схему советского диалектического материализма.

Было и второе недоумение у меня, связанное с вопросом, который кто-то задал нашей преподавательнице по истории: «А есть ли у нас в городе церковь?» Она тогда ответила: «Да, есть, можете туда сходить в любой день. Только на Пасху не ходите туда. Не надо на Пасху ходить». И мы так удивились! Подождите! Стоп! Если Бога нет, если все это пустое, предвзвешенности, переживания необразованных глупых бабушек, почему в Пасху-то нельзя приходить? Какая разница? Тут она засмушалась каким-то совершенно непонятным для нас образом: «Ну, я вас прошу, не надо на Пасху туда ходить». А для молодого человека все подобные запреты лишь еще больше будоражили интерес и вызвали новые вопросы.

Ольга Андреева. Это какие были годы?

Протоиерей Павел Великанов. Это школа, все еще школа... Я закончил ее в восемьдесят восьмом году. Ну вот, считайте, что это восемьдесят пятый, может, восемьдесят шестой.

Храм своими руками

Ольга Андреева. А что это за история с храмом в Кисловодске?

Протоиерей Павел Великанов. О! Это очень поучительная история.

Кисловодск в некотором смысле был городом уникальным. Это был единственный город во всем Советском Союзе, где на закате агрессивного атеизма был с нуля построен храм. Этот храм был построен при жесточайшем сопротивлении местных властей.

Раньше, до революции, в Кисловодске было три или даже четыре храма. Все они были уничтожены. Их взорвали, разрушили, в общем, сровняли с землей в течение первой половины XX века. Но верующие-то все равно были, и им нужно было где-то молиться. И вот они собрали деньги и купили какой-то небольшой домик на городской окраине. Они освятили его как домовую церковь и стали в нем молиться.

Ольга Андреева. Это был обычный частный дом?

Протоиерей Павел Великанов. Да, просто частный дом.

Ольга Андреева. И частная инициатива людей?

Протоиерей Павел Великанов. Да, да, да... Какая-то община к тому времени в городе уже была. Я, к сожалению, не знаю всех подробностей и перипетий этой истории, но знаю, что в какой-то момент эта самая община решила построить на участке около того дома настоящий полноценный храм. Наши верующие своими силами соорудили вокруг участка забор и стали потихонечку строить свой храм. Дальнейшая история может показаться народным преданием, но я думаю, она вполне отвечает действительности. Когда местные власти об этом узнали, председатель горисполкома – некая женщина, не помню, как ее звали, сказала историческую фразу: «Пока я жива, этого храма здесь не будет!» И она организовала милицейские кордоны вокруг храма, которые блокировали подвоз любых строительных материалов.

Самое удивительное, что эта мера не остановила строительство. Бабушки в платочках продолжали носить кирпичи на стройплощадку. Сохранились фотографии, на которых видно, что бабушки сами своими руками кладут кирпичи этого храма. В Свято-Никольском соборе Кисловодска есть альбом, красочно рассказывающий об этом. Представляете себе? Старушки! Старики! То есть действительно храм строили миром, при жестоком сопротивлении властей и реальной опасности оказаться за решеткой.

А дальше история развивалась совершенно удивительным образом. Эта председательница горисполкома, которая запретила стройку и выставила кордоны, через какое-то время, будучи в расцвете лет, внезапно вдруг умирает. И после этого желание властей сопротивляться строительству храма как-то быстро почти сошло на нет. Власти стали на все это просто закрывать глаза. В конце концов храм построили. Тогда он казался большим, вместительным; ну, сейчас он выглядит, конечно, скромным и маленьким.

Если я не ошибаюсь, его строительство завершили в год тысячелетия Крещения Руси, то есть в 1988 году. Начали строить, соответственно, в начале восьмидесятых. И нежелание нашей преподавательницы пускать детей в храм нас смутило, потому что сразу стало понятно – чего-то она недоговаривает. А молодые сразу чувствуют, когда их пытаются обмануть. Это тоже запомнилось.

Ольга Андреева. Насколько я поняла, у вас была не диссидентская семья. Вы искренне не понимали этих сложных отношений с советской властью, идеологического контроля...

Протоиерей Павел Великанов. Вы знаете, все было сложнее. Мой отец был человеком с именем, все в городе знали, кто такой Великанов Иван Иванович ³. К нему приезжали

³ Великанов Иван Иванович (род. 1925) – невролог, доктор медицинских наук, профессор, основатель кардио-невроло-

люди со всего СССР. Он лечил в том числе и партийную номенклатуру, включая представителей самых-самых-самых верхов, которые специально приезжали из Москвы в Кисловодск лечиться. Но при этом он никогда и вполне сознательно не был членом партии, что в его положении было очень странно. Членство в партии открывало куда большие перспективы во всех отношениях, в том числе и материальном. Но это была принципиальная позиция. Было понятно, что у него какие-то свои счеты с советской властью, что он вовсе не собирается идеологически и содержательно с ней сливаться.

В наши бытовые семейные разговоры иногда просачивались такие вещи, из которых можно было сделать вывод, что у него есть свое какое-то особое мнение по поводу происходящего, хотя он не спешит им с кем-то делиться. Но, естественно, мы, дети, чувствовали, что есть какие-то вещи недоговоренные. Мои родители были людьми, которые умели держать язык за зубами, даже когда, казалось бы, на дворе была вроде почти свобода, почти мирное небо над головой. Например, о том, что наш дед участвовал в Белом движении, за что, собственно, и поплатилась вся его семья, мы узнали только в начале двухтысячных годов. Страх того, что эта информация может негативно повлиять на семью, жил очень глубоко.

Это то, что касалось внешней, формальной стороны. А если посмотреть изнутри, то дело, видимо, было еще и в том, что я по природе был легко обучаем. Просто любил учиться. Поскольку мама работала в школе, у меня всегда была возможность немножко опережать программу. Мне было интересно не столько то, что мы проходили в тот момент, сколько то, что в программу не входило. Одно время я был полностью поглощен изучением биологии. Дома стоял микроскоп, я читал запоем разные книжки с описанием того, что и как происходит в природе. Это было классе в пятом-шестом. Можно сказать, что тогда я всю программу средней школы по биологии туда-обратно прошел. В пределах школьной программы, даже с некоторым заделом вперед, все было понятно. То же самое было с физикой, химией, какими-то другими предметами. Короче говоря, я был увлекающейся натурой, которой нравился сам процесс обучения.

Одно время я уже решил было серьезно заниматься физикой, закончить институт, стать инженером и пойти на завод – мне нравился такой классический путь. Потом это отпало, стало скучно.

Главное доказательство

Ольга Андреева. Какой выбор вы все-таки сделали?

Протоиерей Павел Великанов. Я тогда учился в художественной школе, и мне очень нравилось рисовать. И в конце концов я понял, что из всего многообразия направлений, которыми мне хотелось бы заниматься в жизни, самым привлекательным стало направление художественное.

Наверно, наиболее сильный первичный религиозный импульс я пережил, когда начал писать пейзажи. Кисловодск – это потрясающее место в смысле ландшафта и природы. Это горы, это удивительное небо, удивительное состояние окружающего мира. И когда ты глубоко пропитываешься тем, что видишь, ты начинаешь это изображать. Что художник пытается донести? Он пытается донести не ту красоту, которую он видит; он пытается рассказать о своем переживании, о том личном, что его зацепило. Он может это изменить, приукрасить, немножко скорректировать – он же не фотограф. Но он пытается вложить душу, донести это чувство до того, кто на это будет смотреть. Дело даже не в том, что кто-то вообще на это будет смотреть. Это какой-то удивительный диалог, разговор между тобою и природой.

И этот разговор есть своего рода активная медитация с кисточкой в руках. Ты как бы пытаешься прорваться сквозь эти внешние зримые образы, сквозь эти внешние знаки к чему-то такому, что имеет абсолютную ценность, что первично. К тому самому «гласу хлада тонка»⁴, который можно ощутить лишь «боковым зрением». Я думаю, что эта попытка продвижения к первичному и была для меня тем очень сильным внутренним движением души, которое многое потом определило.

В этих хождениях на пленэр, когда ты один, когда тебя никто не видит, не гонит, – а сейчас я бы добавил: и нет никакой мобильной связи! – была абсолютная свобода. Дело в том, что все эти сильные личные переживания, связанные с искусством, у меня начались уже после того, как была закончена художественная школа. Тогда уже я вообще никому и ничем не был обязан; хочешь – идешь, хочешь – поешь, хочешь – не поешь. Когда речь заходила о поступлении в художественный вуз или училище и надо было готовиться, какие-то дома постановки делать – это все сразу становилось скучно и неинтересно. А вот когда ты идешь в школу и вдруг видишь, что ранняя весна и внезапно выпал сильный снег, и ты видишь, как красиво этот снег лежит на ветках, на старых сухих листьях, как ярко светит молодое солнце... И ты разворачиваешься на сто восемьдесят градусов, прогуливаешь школу, берешь свой этюдник, идешь на волю и испытываешь какое-то удивительное вдохновение оттого, что ты уловил этот момент бытия. Это же событие! Это Бог как будто хочет что-то тебе сказать, и ты не понимаешь, что тебе говорят, но ты понимаешь, что тебе *говорят*, и что надо все бросить – и слушать, и ты это слышишь. И вот само это ощущение слышания совершенно непонятно чего – приводило меня в восторг. А ведь тогда, конечно, в голове ни Бога, ни чего-то даже близкого абсолютно не было! Но я это слышал, и мне доставляло какую-то небывалую радость то, что я как-то включен в эту жизнь. Вот она – жизнь! Та самая жизнь, которая – прекрасна!

Но все это еще были совершенно не религиозные, а культурные переживания, не более чем интуиции чего-то за пределами материального.

Ольга Андреева. Мне всегда казалось, что ощущение Бога, которое приходит к ребенку, совершенно не аналитическое, даже не метафизическое, а самое что ни на есть эмпирическое. А ведь ребенок не заканчивается в нас очень долго – некоторые остаются детьми и в сорок лет, и в пятьдесят...

⁴ См.: 3 Цар 19: 11–12.

Протоиерей Павел Великанов. А мне кажется, что он вообще не заканчивается. Поэтому, хоть я и преподаю апологетику, в том числе и доказательства бытия Божьего, но в глубине-то души я точно знаю, насколько это все рационализировано. Божественное бытие не требует никаких доказательств. Оно тебя настигает, и потребность в доказательствах исчезает. Это личностный опыт. Как ни парадоксально это звучит, но вера – это опыт. Вообще религиозная жизнь – это опыт, который требует веры, а не вера, которая появляется сначала, а потом ее подтверждает опыт. Все с точностью до наоборот.

Покрестили, как барана

Ольга Андреева. Мне кажется, вы сейчас сформулировали очень важную мысль. Практически важную мысль для каждого. Но что же было дальше с вами? Ведь то, что вы рассказали, это еще была не вера?

Протоиерей Павел Великанов. Что было дальше? После окончания школы я решил никуда не поступать. Это для всех, конечно, было очень странно, потому что у меня была медаль, а значит, все было открыто, иди куда хочешь. Но я в тот момент как-то ясно понял, что я не знаю, чего я хочу. И я пошел работать... художником-оформителем на обувную фабрику! Для меня это было очень важным прикосновением к обычной, простой жизни, какой жило тогда большинство. Именно в это время я начал поститься, началось какое-то первичное воцерковление. Но это уже было после того, как я был крещен; сейчас расскажу, как это произошло.

Одна из старых знакомых моего отца, которая, можно сказать, была членом семьи, как-то приехала и сказала: «Вот Павлик много болеет, давайте его покрестим, чтобы не болел». Мотивация была самой простой.

Ольга Андреева. То есть вас покрестили из практических соображений? Просто из суеверия?

Протоиерей Павел Великанов. Да, из чистого суеверия! Эта женщина всегда себя позиционировала как человека церковного, верующего. Но ее церковность была совершенно практического, прагматического характера. Такой вот вариант церковности.

Шел уже восемьдесят восьмой год... Да, осень восемьдесят восьмого года, семнадцать лет мне было. Тогда уже пошла всюду перестройка, свободы начали появляться, на религиозные дела стали спокойнее смотреть. Ну, покрестим так покрестим – какие проблемы? Но надо сказать, что понимание, в кого, во что тебя крестят, напрочь отсутствовало! Крестили, как барана, – прости, Господи. Ну, пришли, покрестили, крестик надели, отметили дома, естественно. А что дальше? Вот меня покрестили, стал я православный человек, христианин, а дальше-то что? Полное невежество! Ну, я, естественно, пошел в храм.

Ольга Андреева. Подождите, а зачем вы пошли в храм? Ну, покрестили и покрестили, и живешь себе дальше. У нас же никаких социальных традиций тогда не было в этой области. Тогда пойти после крещения в храм – было как раз таки совсем не естественно!

Протоиерей Павел Великанов. Так вопрос же возник: а что дальше? Было какое-то внутреннее ощущение того, что Церковь – некое пространство жизни, и коль скоро тебя крестили, значит, ты можешь в это пространство войти.

Ольга Андреева. Вы подозревали, что там что-то есть?

Протоиерей Павел Великанов. Да-да! Там что-то есть! Там что-то происходит! Такое, что снаружи не видно. И вот я пошел в храм. А с кем поговорить в храме? С батюшкой, наверное. Но батюшку – где его искать? И я нашел какую-то бабушку, простую уборщицу, и спросил: «Вот меня неделю назад крестили, и что теперь делать?» Она говорит: «Надо молиться; посты соблюдать; причаститься, поисповедаться надо». – «А как это?» Ну, она, как могла, все это мне объяснила. Я тогда почему-то больше всего запомнил, что перед Причастием надо обязательно помыться, чтобы человек чистый шел к Причастию. Почему-то мне это тогда самым главным показалось. Еще молиться она велела. «А как?» – «Ну вот, – она сказала, – встанешь на коленочки, почитаешь „Отче наш“. На, возьми бумажку, тут слова есть». – «Ладно, – говорю, – встану, почитаю».

Ольга Андреева. Интересно же!

Протоиерей Павел Великанов. Интересно, да. Какое-то новое измерение во всем этом стало появляться. Так оно потихонечку и началось, такое внешнее обрядовое вхождение в

Церковь. Но именно оно оказалось гораздо сильнее, чем все остальное. При полном непонимании того, что это, кто это – Христос, Божия Матерь? Кто такие святые? Ничего не знал! Все это тогда варилось вместе в огромном котле под названием «что-то святое». С одной стороны – святое, с другой стороны – опасное, потому что оно может как-то нехорошо аукнуться тебе в жизни. А поэтому лучше с этим не шутить, и если уж делать, то делать серьезно.

И тогда я начал поститься. Я пару раз даже был на исповеди. Все это было достаточно своеобразно, конечно. Никакого реального контакта, настоящего диалога со священником не было. А было просто: пришел человек с улицы, что-то там рассказал, его накрыли епитрахилью, прочитали «Разрешаю...», ну и пошел вон. Но при этом я все-таки в храм приходил, и достаточно часто, чуть ли не каждую неделю. Я помню, первый Великий пост, который я решил соблюдать, – это был подвиг. С одной стороны – подвиг, с другой – какая-то невероятная радость. Потому что никто меня не гнал, не заставлял, это было мое желание, мое соизволение: сам хочу... Причем родители не понимали, что за ерунда происходит! Мне надо было все это еще суметь им объяснить. Родители видели, что их послушный, никогда особо не противившийся им ребенок вдруг начал гнуть какую-то свою линию.

Но надо отдать должное моим родителям. Они к тому времени были уже в возрасте, я вообще очень поздний ребенок. Сейчас моему папе, даст Бог, будет девяносто лет, и при этом он до сих пор работает – совершенно удивительный человек! Необычайно позитивный! Вообще образ отца – это для меня что-то очень сильное. Уже сейчас, анализируя, я бы сказал, что в моем религиозном опыте образ отца играл ключевую роль. Если человек понимает, что у него есть отец, он может понять, кто такой Отец Небесный. По крайней мере, у меня тут есть некие аналогии. Это при том, что у нас были непростые отношения, однажды мы даже дрались с отцом. Все было очень непросто, очень непросто. Мама – это совсем другое, именно такая «мама-мама-мама», которая всегда рядом, поддержит, утешит, накормит, спать уложит. И фамилия у нее соответствующая – Заботина. А отец – он несколько отстранен, он высоко, он – Великанов, он где-то даже внутренне далеко – но регулярно с небес спускается на грешную землю. Я могу сказать, что я не был обделен родительской любовью. Понимание, что и отец и мать тебя очень сильно любят – но при этом совершенно по-разному, – было каким-то глубинным ощущением, какой-то объективной реальностью. Но уже анализируя задним числом все бывшее, могу сказать, что самое главное, самое важное, что наши родители должны были дать нам, своим детям, я думаю, они нам дали. Я не могу объяснить, как это происходило, но тем не менее это произошло.

Ольга Андреева. Значит ли это, что искренне добрый и умный человек христианской культуры, даже называя себя атеистом, все равно несет в себе некое христианское содержание?

Протоиерей Павел Великанов. Естественно! А как еще? Вот у Григория Саввича Сковороды⁵ есть мысль, которая меня в свое время проняла до глубины души. Я ее постоянно цитирую своим студентам. Он как-то сказал: «Истина Господня – не бесовская». То есть то, что есть на самом деле истина, «по умолчанию» принадлежит Богу, не может принадлежать демоническим силам. Демон может эту истину извратить, он может ее перевернуть, приукрасить до безобразия, испошлить, но вы эту штукатурку с нее снимете, и она все равно будет сиять как истина Господня. И вот если у человека в жизни есть какие-то вещи, по сути истинные, они все равно приведут его к Богу; и наоборот, соответственно. Поэтому там, где этих истин больше, там к Богу ближе.

Я думаю, для меня одной из таких истин Господних была, конечно, красота. Само понимание того, что вот эта красота – это не просто так, она не случайна. Если ты, как художник,

⁵ Григорий Саввич Сковорода (1722–1794) – русский и украинский странствующий философ, поэт, баснописец и педагог, внесший значительный вклад в восточнославянскую культуру, родоначальник русской религиозной философии.

можешь эту красоту оценить, значит, есть тот Суперхудожник, Настоящий Творец, который все это нарисовал, который все это сделал. Во-первых, Он сделал так, что это на самом деле прекрасно, во-вторых, Он нас сделал такими, чтобы мы могли это понимать. А в этом уже начинают прорисовываться некие чисто религиозные понятия...

Не подышал – труп, или Причастность к Истине

Ольга Андреева. Вы говорили, что ходили в художественную школу. Много ли ваших однокашников по этой школе воспринимали красоту именно так, как вы? Кто, кроме вас, пошел в религию из искусства?

Протоиерей Павел Великанов. Тогда – никто! Потом – не знаю. В то время я был чуть ли не единственным молодым человеком в нашем храме. Тогда его строительство уже давно закончилось и он, конечно, уже был прекрасным, очень ухоженным. Но из молодых людей там был только я – и еще один парнишка, которого чуть попозже я начал в храме встречать регулярно. Он потом тоже стал батюшкой.

Ольга Андреева. А с батюшкой в том храме вы тогда общались? С вами уже провели какие-то просветительские беседы?

Протоиерей Павел Великанов. Совершенно нет. Священники как-то вообще никакого внимания на нас не обращали – ну, прихожане и прихожане, ходят и ходят. Никакого реального личного контакта ни с кем у меня не было. Более того, открою вам страшную тайну – впервые в жизни в алтарь я попал, уже оказавшись в семинарии.

Ольга Андреева. Но ведь так и должно быть. Разве простые прихожане имеют право заходить в алтарь?

Протоиерей Павел Великанов. Нет, обычно это не так. Обычно, когда молодой человек появляется в храме, через какое-то время его батюшка замечает, приглашает зайти в алтарь, начать пономарить, помогать. Батюшка обычно старается молодого человека максимально включать в ход службы. И тут логика батюшки совершенно понятна: он хочет повысить шансы этого ребенка, заинтересовать его, включить в некую сакральную храмовую жизнь.

Но со мной ничего подобного не было. Даже потом, когда я близко познакомился с одним священником, он меня в алтарь так и не пригласил. Я только сейчас начинаю догадываться, что он понимал, насколько, может быть, зыбка была еще моя вера, и требовалась некая дистанция, выдержка, может быть, даже некая оранжерея для того, чтобы дать этой вере укорениться, прорасти и уже самой «встать на ноги». Опасность некоего профанирования все-таки была. Я думаю, что тот священник опасался, что я могу просто привыкнуть к этому, перестану относиться к церкви с тем первичным благоговением. И он был прав.

И вот приблизительно в это время, когда я начал поститься и ходить к Причастию, у меня стали складываться более-менее дружеские отношения с группой мирян. Они были, можно сказать, такими православными интеллигентами. У них была религиозная литература, которой в храме практически не было. А они занимались тиражированием и распространением этой литературы, которой вообще было очень мало в нашем городе, ее привозили из Москвы. Эти люди тоже были прихожанами нашего храма. Но у них был свой духовник, батюшка с непростой историей. Он в храме не служил и находился даже в какой-то оппозиции к местному духовенству. Но он был интеллектуалом, очень образованным священником, отчасти богословствующим. Но самое главное – в этой среде была литература, которую можно было брать и читать.

Ольга Андреева. А вы уже сознавали, что надо читать и понимать происходящее в церкви?

Протоиерей Павел Великанов. Да, конечно. Но... здесь есть одно очень важное «но»! Вот сейчас я понимаю одну предельно простую вещь. Гораздо важнее человека приучить к регулярному хождению в храм, нежели ко всему остальному, включая анализ и понимание религии. Потому что мы все – заложники рационализма; мы хотим под любым действием, под любым поступком иметь разумную мотивацию, объяснение, обусловленность. А ведь подлинная жизнь протекает в совершенно другом русле, совершенно другом. И это

понятно – жизнь гораздо глубже, нежели любые наши представления о ней. Эта простая базовая истина напрямую связана с церковью. В храме во время богослужения мы вступаем в особое непосредственное соприкосновение с первоосновами бытия, а не с нашим представлением об этом бытии. И поэтому человек, который приходит в храм и просто отстаивает службу, ничего в ней не понимая, кроме «Господи, помилуй» и еще нескольких слов, – этот человек по сути делает гораздо более важную работу, нежели тот, кто обложился богословскими трудами, все это изучил, разобрался во всех тонкостях, но при этом в храм не идет. И гораздо тяжелее заставить, побудить человека к регулярному хождению в храм, чем к регулярному чтению богословской литературы. Люди, которые ходят в храм, и те верующие, которые в храм не ходят, – это два совершенно разных человеческих типа. Это нечто почти физиологическое, на каком-то природном уровне разные люди.

Причем те, которые в храм не ходят, могут быть золотыми людьми, гораздо нравственнее, порядочнее и даже чище, нежели чем те, которые регулярно ходят в храм. Это просто разные люди, и жизнь у них – разная, и качество жизни тоже – разное. Я не говорю, что качество жизни людей, которые ходят в храм, безоблачно, прекрасно. Ничего подобного! Там и скорби, и горести, и несчастья случаются. Но качество этой жизни – другое. А у тех, кто в храм не ходит, все может быть наоборот: и прекраснейшие отношения между супругами, и материально все неплохо, и дети лапочки. Но... вот какой-то правды жизни там будет гораздо меньше; там все будет очень так, знаете, я бы сказал, «виртуальненько».

Счастье, благополучие сегодня есть, а завтра «пшик» – и от этого счастья осталось только одно воспоминание. А вот у людей, которые обращают свою жизнь вокруг храма, у них постепенно протирается дыра в подлинное бытие, каким бы плохим этот человек ни был.

Мы же не говорим, что все, кто ходят в храм, – замечательные люди; в церковь хорошие люди не ходят, хорошим людям Спаситель не нужен. В Церковь приходят люди, у которых есть серьезные проблемы. И прежде всего проблемы с самим собой, проблемы с ближними, проблемы с Богом. Когда у человека все хорошо, ему Бог не нужен; зачем Он ему нужен, у него и так все хорошо.

Ольга Андреева. Вы сейчас сами себе противоречите.

Протоиерей Павел Великанов. Почему? Когда человеку хорошо во всех отношениях, ему Бог не нужен, зачем? Он совершенно достаточная, устойчивая единица.

Ольга Андреева. Но ведь вы утверждаете, что человек, который не ходит в храм, онтологически несовершенен.

Протоиерей Павел Великанов. Да, тут действительно есть некая недоговоренность. Я хочу сказать, что человек, который ходит в церковь, не самодостаточен. Если переводить на язык современных компьютерщиков, он – открытая операционная система, которая допускает возможность влезть в нее и в ней хозяйничать. А человек, который живет своей жизнью, и именно его жизнь является для него первичной базовой ценностью, он – закрытая операционная система. Огромное количество энергии он тратит на антивирусные программы, чтобы не допустить в его жизни чему-то происходить не по его воле, не так, как он хочет. И вот, мне кажется, это и есть основное отличие одних от других. Одни открывают себя Богу, доверяют Ему и разрешают Ему вмешиваться в их жизнь, действовать на их личной территории, причем действовать не так, как им самим хочется, совершенно не так. Скорее всего, они как раз разрешают Ему действовать так, как им не хочется. Чаще всего получается так. Люди, посещающие храм, умоляют Бога: «Господи, не надо делать так, как Ты хочешь! Не надо, пожалуйста! Это трудно, тяжело, очень больно!» Но проходит время, они успокаиваются и говорят смиренно: «Да будет воля Твоя!» А в жизни тех, кто в храм не ходит, происходит все по-другому. Они говорят Богу: «Стоп! Подождите! Вас, Господин Бог, никто сюда не впускал. Вас у нас в планах не было. Изыди!»

Когда я говорю про виртуальность, я имею в виду отсутствие третьего измерения, даже не какой-то особой укорененности, там все может быть достаточно искренне и честно, но все это – непроверенное. На этом не стоит штампа: «Выводит в Царство Небесное». Нет печати подлинности. Я, может быть, ошибаюсь, но у меня есть примеры нескольких таких семей, которые я очень хорошо знаю. Они церковные люди, и я вижу в их отношениях реальную, ни с чем не сравнимую глубину. Это особая реальность, не подверженная хаосу повседневности.

Ольга Андреева. Вы хотите сказать, что человек, который не ходит в храм, не пережил воцерковления, продолжая вашу метафору, похож на компьютер без антивирусной программы? Он конструирует мир, не способный устоять против агрессивных идеологических воздействий извне. То есть получается, что Бог и религия – это такая антивирусная система, Касперский?

Протоиерей Павел Великанов. Этот человек всегда испуган. Внутри испуган. Этот человек боится. Он построил мир – карточный домик. Причем он шкурой чувствует, что этот карточный домик от легкого дуновения ветерка просто развалится, ничего от него не останется. Он понимает, что кроме этого домика у него ничего нет. И он закрывает форточки. Он постоянно напряжен, он боится, как бы где-то что-то не произошло. Потому что если рухнет его карточный домик, вместе с ним рухнет вся его жизнь. Причем этим карточным домиком может быть ребенок, может быть муж, жена, семья, семейное счастье, работа – все что угодно может быть.

Ольга Андреева. То есть для человека противоестественно не быть причастным к чему-то, что больше него? Быть непричастным к какой-то большей правде? Правде абсолютной, универсальной...

Протоиерей Павел Великанов. Да-да-да... К истине. У церковного человека проторена дорожка, идя по которой он постоянно находит подтверждение своей причастности к этой правде. Что бы ни происходило, куда бы ни бросала его жизнь, во всех измерениях – и внутренних, и внешних – он знает, что ему есть куда прийти, есть где почувствовать это прикосновение Вечности, дыхание Вечности, кислород Вечности. Он знает, что у него есть та самая кислородная подушка, которую он всегда с собой носит. Она становится то больше, то совсем маленькой – но она есть! И когда он начнет задыхаться, он знает, какой клапан надо открыть и как сделать несколько глотков воздуха, которые могут оказаться решающими. Не подышал – все, уже труп. А у него есть эта возможность: раз-два, подышал, ага, ну еще поживем немножко...

Божественное посольство

Ольга Андреева. Чем еще важен этот момент?

Протоиерей Павел Великанов. Дело в том, что мы находимся в состоянии постоянного сползания. Наша жизнь – это постоянное размазывание, внутренняя деструкция, хроническая энтропия души. А в храме человек помимо разума, помимо своих чувств, помимо воли задействует другие силы. Потому что на самом деле не разум, не чувства и не воля определяют тот факт, что человек становится другим.

Вот он пришел в храм. Он пришел туда с некими мыслями, чувствами, переживаниями, с каким-то своим настроением, в каком-то своем внутреннем состоянии. Он отстоял службу и вышел из храма другим. Почему? Как? Никто не понимает, как это происходит, что там происходит. Но что-то происходит.

Я вам напомню классическое свидетельство митрополита Антония Сурожского о том, как некий человек пришел в православие. Когда он первый раз зашел в храм на службу, он почувствовал, что-то там такое есть странное, неожиданное для него. Он подумал и приписал это гипнотическому действию богослужения: запахам, голосу священника и так далее... Спустя некоторое время этот человек снова зашел в храм. В тот момент там не было службы, но он почувствовал, что вот это чувство – «что-то здесь есть» – оно оставалось. И для человека это стало удивительно мощным опытом, точкой входа в веру, в христианскую православную традицию. Это работает независимо от того, какие там – хорошие или плохие – священники, хор и так далее. Это все вторично, это может быть плохим, этого вообще может не быть, но в храме действует Бог. Храм – это дипломатическая миссия Бога на враждебной территории. Эту дипломатическую миссию, или это посольство, обслуживают по большей части какие-то двойные агенты, шпионы, предатели и все прочее, но статус этой территории все равно сохраняется неприкосновенным. Здесь Бог – Хозяин! Здесь Бог – Господь! Что бы там ни происходило, какие бы мерзавцы, предатели и лукавые люди все это ни обслуживали, все равно это Его хозяйство, и здесь Он взаимодействует с человеческой душой гораздо больше, чем где бы то ни было еще.

Это вообще очень интересная тема – что такое Церковь, как Церковь создается, через кого Церковь выстраивается как Тело Христово. Это отдельный разговор. Но возвращаясь к тому, о чем мы с вами говорили, я хочу сказать: вот это простое хождение в храм, регулярное, смиренное подчинение церковному ритму жизни, во многом чисто внешнее подстраивание под православный, как сейчас говорят, стиль жизни, оказало мощнейшее воздействие на изменение моих ценностных ориентиров.

Ольга Андреева. Ваших личных?

Протоиерей Павел Великанов. Моей личной жизни, да. В тот момент в моей жизни вдруг стало появляться ощущение определенной тональности. С чем это можно сравнить? Вот, например, человек родился в семье, в которой слушают только попсу. Или только рок. Плохой, агрессивный, давящий рок. И ничего другого ребенок просто никогда не слышит! Все другое сознательно исключено. И вот представьте себе, что этот ребенок совершенно случайно попадает на концерт симфонической музыки, причем исполняется там что-нибудь такое, что, как говорится, душу вывернет наизнанку и свернет обратно. Что с этим ребенком будет, когда он вернется домой? Он услышит там свою родную попсу, но при этом он будет думать про себя: «Да, это все, конечно, хорошо, но музыка-то, оказывается, бывает совсем другой». У него появится вот это ощущение другой интонации, какой-то иной тональности, новой цветовой палитры...

Или давайте попробуем другое сравнение. Допустим, человек прожил всю жизнь в советской квартире, заставленной стандартными советскими стенками, продавленными

диванами, ну и всем таким подобным. И вдруг – бац! – в какой-то момент этот человек попал в квартиру хорошего европейского дизайнера. А там каждая вещь – это вещь! Там цвет стен – вот это цвет! Не просто зелененьким покрашено, а оно так сделано, что у человека просто дух захватывает: «А-а-а!»

Оказывается, может быть вот так!..» Он понимает, что сам так никогда стену красить не будет, не сможет по многим причинам. Но само это понимание – вот оно, оказывается, как может быть! – раскрывает ему глаза, переворачивает душу.

Так вот самое главное, что в моей жизни появилось после прихода в храм, это сознание того, что есть другой образ жизни. И причем было четкое понимание того, что это далеко не все, что тема далеко не исчерпана. Это как бы только внешнее, но там есть куда копать, есть куда прорываться. Есть еще и какие-то не совсем очевидные вещи. Хотя вроде все на поверхности, но там есть что-то такое, куда можно еще углубиться. Это и богослужение, и тексты, и таинства. Причем я хочу подчеркнуть, что в тот момент у меня было абсолютное непонимание того, что происходит в церкви. Я не был знаком даже с христианским катехизисом. Я и Евангелие в то время еще не открывал ни разу.

Ольга Андреева. Это ваши семнадцать, восемнадцать, девятнадцать лет? И вы работаете художником на обувной фабрике...

Протоиерей Павел Великанов. Да, семнадцать-восемнадцать лет, и я работаю художником на обувной фабрике. Да, да. И общаюсь я там с самыми простыми людьми, и получаю достаточно приличную зарплату, не помню сколько, рублей сто пятьдесят, сто шестьдесят – совершенно нормальная зарплата для того времени.

Я тогда учился вслепую печатать на механической машинке, потому что захотелось попробовать научиться самостоятельно. Вот, думал, пригодится. Потом, как выяснилось, пригодилось более чем. Чем я еще занимался? Рисовал, работал, помогал отцу в каких-то мелочах, просто жил – вызревал.

И после этого года я решил попробовать поступить в Калининское художественно-промышленное училище ⁶ здесь, в Москве. Просто попробовать. Понятно было, что Репинку ⁷ я не потяну по многим причинам, но попробовать получить базовое художественное образование – почему бы и нет? Приехал. Познакомился с художниками. Поскольку мои родители были вхожи в этот круг, то меня здесь курировали некие художники, занимались со мной. И вот знаете, с одной стороны, я понимал, что мне чего-то такого хочется художественного, но с другой стороны – стал появляться интерес к Божественному, озадаченность чем-то религиозным. Художественное – это скорее была некая инерция жизненная, а религиозное – стало чем-то новым, какой-то новой надстройкой.

И каждый раз, когда я приезжал на очередной экзамен, – а экзамены проходили в здании неподалеку от метро «Новослободская», там сразу у выхода из метро есть замечательный храм преподобного Пимена Великого, – я заходил в храм, ставил свечечку, молился, как мог. Даже не помню, о чем молился, но такое было. И когда я в это училище не поступил, моя душа весьма возрадовалась. Потому что тогда я уже не вполне был уверен, что вообще хочу погружаться в художественную среду. Когда поближе удалось с этой средой познакомиться, то... Конечно, я и раньше знал, что художественная тусовка, мягко говоря, не блещет добродетельной жизнью, целомудрием и всем прочим. Но мне всегда казалось, что люди, которые занимаются великими, благородными, красивыми вещами, по идее, и сами должны были бы быть такими. А по факту оказывалось, что это люди, зачастую совершенно далекие от каких бы то ни было нравственных границ. И понимание глубиной внутренней лживости

⁶ Московское художественно-промышленное училище им. М. И. Калинина. Ныне – Колледж прикладного искусства МГХПА им. С. Г. Строганова.

⁷ Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

этой среды как-то не повышало привлекательности искусства вообще. Тем более когда ты в этом поваришься сам и начнешь представлять, чего там можно ждать.

И вот в это время, когда я готовился к поступлению и сдавал экзамены, я жил у одного художника, который был верующим. Ну, таким, знаете, условно верующим. У него там седьмая или девятая жена была, в общем, гулена был еще тот. И у него где-то в шкафу валялась книжка «Евангельская история в картинках», комикс такой. Это была протестантская книжечка (ну, это же не Кисловодск, а Москва, там все уже было). Я этот комикс, конечно, проглотил мигом. И вдруг все, что связано было с Христом и чего я толком еще совершенно не знал, выстроилось в ясную последовательность. Многое стало понятно: вот родился, вот проповедь Нагорная, вот предательство, вот Распятие, вот Воскресение. До этого был полный кавардак в голове, а тут все выстроилось. Я стал понимать, что все это не просто, что в этом котле «великого и божественного» много чего варится, и то, что там варится, требует особого отношения.

Тогда же мы с мамой, не помню почему, поехали в Ленинград. И там, в Александровской лавре, мы купили Евангелие, изданное к тысячелетию Крещения Руси. Оно до сих пор у меня есть, это Евангелие. Разумеется, я сразу начал его читать. В дороге, на вокзале, в поезде... Вы знаете, я не мог оторваться, я его прочитал залпом. Я его читал и читал, и был готов под каждой строчкой расписаться и написать: «Да! Да! Да! Именно так!» Понятно, что много чего мне там было неясно, совершенно туманно. Но я понимал, что за этими строчками, за всеми этими утверждениями стоит Кто-то настолько тебе близкий, что ближе-то в жизни никого и не было, нет и не будет. Близкий не по крови, а именно по сути, по какой-то глубинной тональности; что-то настолько родное, что подобного опыта в жизни еще не было. Никакие другие книги и рядом не стояли. Складывалось такое ощущение – это мое! Вот кто-то за меня взял и написал то, что я на самом деле думал! Это уже потом я узнаю, что «душа человека – по природе христианка»⁸, и нет здесь ничего удивительного, кроме того, что все это происходит именно с тобой. Тогда я это Евангелие просто проглотил и сказал: «Да! Оно! Вот оно! Это мне нравится! Я согласен с этим, все правильно. Так и есть! Ради этого и жить стоит, не жалко и жизнь положить. А есть какие-то альтернативы? Есть ли еще что-то другое? Да вряд ли. Да и зачем они мне нужны, эти альтернативы!» – вот такой у меня был внутренний монолог.

И после этого, уже вернувшись домой, я понял, что совершенно не хочу ни в какие художники идти. Всякое желание, всякая тяга к этому у меня отодвинулись куда-то далеко, а потом и вовсе пропали.

Так сложилось, что как раз в это время я начал близко общаться с одним местным священником у нас дома, в Кисловодске. Он был очень молодой, энергичный, горячий. У нас с ним сложились хорошие, дружеские отношения. Я стал бывать у него дома, он к нам иногда заходил. А он, между прочим, был – да и остается – очень интересным человеком. Достаточно известный батюшка. Потомственный священник. Его отец тоже был из священнической семьи, его матушка, супруга – тоже была из духовного сословия. То есть он принадлежал к тому самому сословию духовенства, которое было практически уничтожено советской властью.

Ольга Андреева. Раз вы об этом заговорили, то у меня один очень важный вопрос возникает. Вот этот человек, священник, про которого вы рассказываете сейчас, тот самый, который родился в семье потомственных священников, насколько он отличается от человека современного? Что я хочу выяснить? Дело в том, что мне все больше и больше кажется, что современный человек меняется в каких-то своих базовых основаниях, душевных и духовных. Он меняется так серьезно и так глубоко, что все разговоры про новое информационное

⁸ Утверждение раннехристианского философа Тертуллиана (II–III вв.).

поле, научно-техническую революцию, прогресс и так далее как-то мало что объясняют. Все это, в конце концов, техника, а человек меняется не технически, а антропологически.

Я понимаю, что демократия – это когда все равны. Я понимаю, что при нашем демографическом взрыве количество «средних» людей увеличилось в разы. Но ведь дело не совсем в этом. Речь о том, что каждая культура, каждая цивилизация имеет некий свой собственный идеальный антропологический образ, ну, по крайней мере должна стремиться его иметь. Этот образ не то чтобы массово тиражируется, но он сохраняется в неких социальных структурах. Например, классический русский антропологический образ, мне кажется, как раз таки и сохранялся в среде духовенства и образованного дворянства. Это означало, что ребенок, родившийся в этом кругу, получал не только образование, но и некий ценностный образ личности со всем набором представлений о добре и зле, поведенческими реакциями, вообще всем набором представлений о должном, хорошем, правильном. И этот образ личности был безусловно принят культурой, как правильный. Более того, даже если некто из другой социальной среды, например, крестьянства, купечества, хотел преодолеть сословные различия, получить образование, ему было куда посмотреть, чтобы научиться.

Насколько я знаю, в Европе идеальный антропологический образ до сих пор сохраняется и передается выпускникам старинных университетов. И там джентльмена очень легко узнать на улице.

К чему это я? К тому, что, мне кажется, современная российская цивилизация утратила вот этот антропологический проект. Да, демократия, да, демография, да, новое информационное пространство, но у нас нет ни одной социальной страты, которая бы хранила этот идеальный человеческий образ. Поэтому мы не только не знаем, каким должен быть человек, но нам даже некуда посмотреть, не у кого научиться. Вы не могли бы поподробнее рассказать об этом вашем товарище, батюшке? Он был другой? Он нес в себе нечто от того старого целостного человеческого образа, на смену которому новый образ, к сожалению, пока не пришел?

Протоиерей Павел Великанов. Да, тот класс потомственных батюшек состоял из людей совершенно других, не похожих на нас. Да, вы правы. Они хранили в самих себе образ человека. Но я вам хочу сказать главное. Что этот образ определяет? Почему он так отличается от человека сегодняшнего? Я это начал понимать именно тогда, когда подружился с тем самым потомственным батюшкой. Я смотрел на него и просто тихо млел, буквально восхищался. Я был, знаете, просто в него влюблен. По одной простой причине: я видел, как он меня любит. Он так любил не только меня, я тут вообще был ни при чем. Это был его образ жизни, его природное отношение к другим, своего рода «генетическая память» поколений.

И я смотрел на него и постоянно ловил себя на мысли: «А я так не могу! Я так не умею. Я не могу так любить людей». Мне безумно хотелось быть таким же, но я не мог, я был другой. Почему?

И вот тогда я совершенно ясно и четко понял, что этот батюшка именно такой, потому что он – плоть от плоти церковной. Он просто воплощенная часть самой Церкви; в нем все было глубоко церковное. В нем не было этой самой пресловутой светскости, какого-то внутреннего расщепления, раздвоения между тем и другим. В нем все было понятно и просто. Он весь был пропитан жизнью Церкви. И это одновременное совмещение и радости, и любви – оно было настолько уникальным! Я с таким в жизни до этого никогда не сталкивался. Я многих людей знал, очень хороших и очень разных, но вот эта удивительная легкость любви и радости!.. Понятно, что он был абсолютно самодостаточен и устойчив... Внешне он излучал одну мысль: «У меня все хорошо! Все просто замечательно: ведь я – с Богом!» Когда поближе мы стали общаться, я только тогда осознал, как бесконечно много он работает, как он служит с утра до вечера, как дома фактически не бывает и так далее. Моими глазами,

тогдашнего подростка, это все считывалось как некая качественно другая жизнь – совершенно новая жизнь, опыта которой у меня не было и в помине.

Ольга Андреева. Другой антропологический проект?

Протоиерей Павел Великанов. Даже не антропологический. Это была какая-то другая экзистенция. Совершенно другая экзистенция! И это самое другое существование, этот совершенно новый вкус жизни, к которому мне было дано хоть в малой мере приобщиться, и определили все дальнейшее в моей собственной жизни.

От противного

Ольга Андреева. Этот батюшка и направил вас в семинарию?

Протоиерей Павел Великанов. Не совсем. Тогда в городе появился некий старчик... Я так понимаю, это был один из монахов так называемой «Шаталовой пустыни», и по сей день существующей.

Ольга Андреева. Что это такое?

Протоиерей Павел Великанов. «Шаталова пустынь» – это церковный эвфемизм. Так говорят о монашествующих, которые шатаются по миру, являются в отдаленные приходы и нередко строят из себя великих старцев, прозорливых, мудрых, духоносных. Это люди, которые чаще всего не смогли удержаться ни в одном монастыре и отправились болтаться по миру, отчасти помаленьку спекулируя своей церковностью и духовностью. А народ-то у нас падок на такие вещи. Сейчас это, может быть, уже не так безотказно работает, а тогда, когда Церковь была очень закрытой структурой, совершенно маргинальной, такие вещи действовали просто сногшибательно, особенно если человек благообразный, с какой-то загадочной историей. Особенно хорошо это работало, если при этом батюшке был еще какой-нибудь сопровождающий, который вам говорил: «Что вы! Да я вам расскажу. Это же такой подвижник!..» Ну, вот на такого старчика я и попался. Он меня увидел и сказал: «Благословляю тебя в семинарию». А старец-то прозорливый! Вы ж понимаете! Я тогда только так это и воспринимал. Сказал святой человек – в семинарию, значит, в семинарию! Ну, а я и рад. Я к тому времени уже и сам в эту сторону начинал подумывать. Почему бы и нет?!

Ольга Андреева. А вы уже были готовы к любому толчку в эту сторону, даже если этот толчок исходил от самозванца?..

Протоиерей Павел Великанов. Да, да, готов был слушать. Конечно, возникала серьезная проблема – родители этого просто бы не поняли. Ребенок из нормальной семьи вдруг решил идти в семинарию – это был полный бред. Ну да, они видели, что я в церковь хожу, но не до такой же степени! Пожалуйста, ходи в церковь сколько хочешь, но будь инженером, врачом, художником на худой конец, да кем угодно!

И вот тогда произошла удивительная вещь – я смог как-то убедить родителей встретиться с этим «старчиком». Сейчас только я понимаю, насколько это все было чудно! Да, они с ним встретились; вся беседа состояла ровно из двух фраз. Сейчас точно не помню, как это звучало, но смысл был в том, что старец велел меня отправить в семинарию, и они с этим безоговорочно согласились!

Эта аура сакральности, священности, неизвестности и всего прочего просто сшибла моих бедных родителей с ног. И больше вопросов не было. Родители дали добро. Вот так я оказался здесь. И вот тут, можно сказать, начался опыт реального воцерковления. Что было дальше, тоже интересно.

Ольга Андреева. То есть вы поступили в семинарию практически без подготовки?

Протоиерей Павел Великанов. Ну почему? У меня был почти год до поступления. Я много чего успел прочитать, но самое важное было то, что тот самый мой друг, батюшка, поставил меня на клирос. Сказал, вот, давай учишь читать, петь. Я, конечно, «ни в зуб ногой»...

И вообще в тот год перед поступлением я начал ходить в храм регулярно. Уже мой внешний образ жизни стал активно меняться. Я стал читать Псалтирь, научился читать по-церковнославянски. На клиросе что-то подвывал в меру своих сил. Самое сильное впечатление было, когда впервые меня поставили читать что-то. Это было мое первое прикосновение к совершенно другой традиции извлечения звука. Ну, где ребенок, школьник может научиться говорить со сцены? Декламировали стихи на праздниках, но это совершенно не

то! Это вообще другое! Когда этот огромный, загадочный и таинственный храм вдруг обретает жизнь силой твоего голоса – он оживает, он начинает говорить, – и ты сам себя в этом не узнаешь, настолько все по-другому! Когда это происходит во время богослужения и ты понимаешь, что сам вплетаешься в некую новую ткань жизни и становишься одной из ниточек этой общей ткани, – это совершенно удивительное переживание! Я даже не знаю, с чем это можно сравнить. Когда ты становишься не созерцателем, не внешним участником происходящего, а частью вот этой ткани – это совершенно другое. Надо еще понимать, что люди, которые пели тогда на клиросе, это действительно были люди святой жизни. Они прошли через очень жесткие притеснения, гонения, они выстояли, они жили подлинной жизнью Церкви, и она для них была первичной ценностью. Это были те самые бабушки, которые в платочках носили кирпичи на стройку этого храма, когда стоял милицейский кордон и властями блокировалась стройка. И вот эти люди какими-то своими словами, жестами, поведением меня тогда очень точно корректировали. Однажды я пришел в храм в футболке какой-то, ну так, просто шел по улице и в чем был зашел в храм. Они мне тогда сказали очень вежливо: «Слушай, так больше не приходи...» И это запомнилось на всю жизнь.

Ольга Андреева. И у вас это не вызывало какого-то внутреннего конфликта, протеста?

Протоиерей Павел Великанов. Конечно, вызывало! Да еще как! Да кто они такие – известные тетки, будут еще мне указывать! Почему в такой футболке нельзя в храм?! Люди так ходят по улице, какая разница, в конце концов. Но я тогда уже готов был приводить себя в границы. Вы знаете, Церковь, как и любая культура, – это все-таки границы, правила. Начиная от самых простых – вот, в Церкви такой дресс-код, и кончая очень сложными, про которые я узнал гораздо позже. Я тогда начинал учиться смирать себя. Но, с другой стороны, этого-то я и хотел. Никакого внутреннего сопротивления не было, это было не сопротивление, а такие «взбрыкивания» гордыньки.

Ольга Андреева. То есть внутреннее противодействие все-таки было?

Протоиерей Павел Великанов. Да, конечно. Неприятие было. Естественно. Это сопротивление скорлупы, под которой рождается то, что однажды ее снесет. Вы поймите, я был до мозга костей советским и при этом, может быть, не слишком избалованным, но не знавшим обычной простой жизни ребенком. Мы не были зажиточными, более чем скромно жили, но какая-то «мажорность», я думаю, в нашей жизни была. Мажорность в плане светскости какой-то. И она, конечно, легко считывалась людьми со стороны.

Внутреннее отторжение происходило за пределами разумного, рационального, все работало на уровне природы, физиологии какой-то. У святых отцов это называется «борьба ветхого человека с новым человеком». Вот у апостола Павла это очень четко. Он постоянно отслеживает это противостояние, борьбу, рождение нового сквозь старое внутри себя самого. Прорезывание нового всегда болезненно, это муки родов, болезни рождения нового. Ничего в этом удивительного нет. Но для меня это была именно духовная борьба. То есть я духовно не принимал какие-то вещи, которые вынужден был выполнять.

Ольга Андреева. Вы принадлежите к числу людей, которые идут до конца, до сути. Которые не перестают спрашивать. Или за этим стояло любопытство и подозрение, что есть еще что-то, чего я не знаю?

Протоиерей Павел Великанов. Нет-нет! Я не могу сказать, что тяга к знанию ради знания во мне была. Мне все-таки кажется, что было желание приобщения, желание прикоснуться к какому-то другому опыту. Просто было четкое понимание того, что где-то в Церкви скрывается такая тональность жизни, которая мне близка и очень нужна. Но ты ее еле-еле слышишь. И эта мелодия новой жизни, еще не испытанная мною вполне, уже меня цепляла.

Вот как я вам объясню: помните, Христос говорил о Евхаристии? «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6: 53). Помните? Так вот, когда Он говорил это, многие из учеников отвернулись и ушли. Что за

бред, полный бред, говорили они, уйдем отсюда. И это потрясающий момент в Евангелии! Потерпев полное фиаско как проповедник и миссионер, Он оборачивается к двенадцати ученикам и говорит: «Не хотите ли и вы отойти?» (Ин. 6: 67). Вместо того, чтобы просить, уговаривать, разъяснять, Он говорит: давайте, давайте, присоединяйтесь к ним, не стесняйтесь, тоже уходите. И тут апостол Петр Ему говорит: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6: 68). То есть если не Ты сможешь нас вразумить, чем-то обнадежить, то кто же, нам идти-то не к кому. И я пришел в семинарию именно с таким внутренним помыслом, что если не здесь, то где же еще?

Ольга Андреева. То есть это был опыт «от противного»?

Протоиерей Павел Великанов. В общем-то, да, во многом «от противного». Там было нечто такое, чего не было в искусстве. Причем я не говорю, что я был великим художником. Но все равно душа ведь чувствует какой-то общий вектор, куда он ведет, в конце концов. Он, этот вектор, может быть, грубо говоря, огромной ширины, или он может быть очень узеньким, но понятно, что он туда! Он не в противоположную сторону. В тот момент я уже точно видел, что вектор есть, я начал в него входить и понял, что это другая река. Совсем другая река! Это рассказ о другом. О том, что нигде в другом месте мне не скажут. Там этого не видно. А тут оно есть! Оно мне нравится, оно мне как-то сродно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.